

18+

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

Глаза зверя, стерегущего добычу

ЧАСТЬ 2

Александр Медведев

**Глаза зверя, стерегущего
добычу. Часть 2**

«Издательские решения»

Медведев А.

Глаза зверя, стерегущего добычу. Часть 2 / А. Медведев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626678-0

В книге «Глаза зверя, стерегущего добычу» продолжается сюжетная линия, начатая в первой части «Приют непослушных детей». Однако, здесь вас будет ждать необычный и неожиданный поворот событий. Вы встретитесь с совершенно новыми героями, с их чувствами, переживаниями и взглядами на жизнь.

ISBN 978-5-00-626678-0

© Медведев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 2	6
Предисловие	7
Глава 1. «Секрет» зои воскресенской	8
Глава 2. Дыхание войны	17
Глава 3. Поединок	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глаза зверя, стерегущего добычу

Часть 2

Александр Медведев

Дизайнер обложки Нейросети YandexGPT, Kandinsky 3.0

© Александр Медведев, 2024

© Нейросети YandexGPT, Kandinsky 3.0, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-6678-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-6679-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 2

Самые аморальные люди это те, кто
больше всех следят за чужой моралью.

Предисловие

Роман «Глаза зверя, стерегущего добычу» является продолжением первой книги «Приют непослушных детей». В ней вы снова встретитесь с приключениями второклассника обычной советской школы. Вы встретитесь со с уже знакомыми персонажами из первой части и познакомитесь с совершенно новыми. Также, как и в первой книге, все сюжеты основаны на реальных событиях. По этическим соображениям, имена всех героев книги изменены. Любое их совпадение с реальными людьми – чистая случайность.

Глава 1. «Секрет» зои воскресенской

– Ну так что, товарищ Медведев? Так и будем молчать? Я жду ответа!

Я стоял в школьном классе по стойке «смирно», совершенно пристыженный, неподвижно смотрел в одну точку и никак не мог понять, что же такого от меня хотят. Точнее стояло только тело, а душа валялась где-то под ногами. Вся избитая, растерзанная и втоптанная в грязь. Мимо меня, заложив руки за спину, прохаживался учитель русского языка, дебиловатого вида детина, лет сорока.

– Ну что молчим-то? – опять загнусавил учитель. Он подошёл ко мне вплотную, наклонился почти к самому лицу, уставив на меня стеклянные, ничего не выражающие, глаза навыкате, как у рака. – Я ещё раз спрашиваю, какое вы имели право вмешиваться в чужое произведение?

...итак, начнём по порядку. Сегодня 19 мая. День рождения пионерии. И хотя в пионеры нас должны были принимать только на следующий год, готовились к этому событию все заранее. Так сказать, чтобы к приёму в пионеры советский октябрёнок подошёл во всеоружии и на зубок знал, что из себя представляет эта организация.

Сегодня не было никакой математики, никаких сложных заданий, только возвышенная литература и линейка в актовом зале. Первый урок, разумеется, она самая, литература. В этот раз к нам прислали учителя русского языка из старших классов.

Позвольте представить – Виктор Иванович. Кличка – Паук. Такую кликуху он получил, вероятно, из-за своей страстной любви пить у учеников кровь. Интересная деталь – я не помню ни одной фамилии, ни у одного учителя. А дело в том, что фамилии учителей в моей школе были под строжайшим запретом. Ученикам положено знать только имя и отчество. Если начать интересоваться фамилией учителя, то можно было нажать на свою голову таких неприятностей, по сравнению с которыми встреча с Макеевым или Старковой показалась бы любовной беседой.

Войдя в класс, Виктор Иванович, сразу взял «быка за рога». Надо же показать этим ничённым второклашкам, что он ни какой-то учитель начальной школы, а педагог старших классов, да ещё русского языка! Это вам не «хухры-мухры»!

Изучить нам сегодня предстояло самый короткий и самый трагический рассказ Хемингуэя. Рассказ состоит всего из одной строчки:

«Продаются детские ботиночки. Неношеные.»

Да-да, друзья мои, не удивляйтесь. Восьмилетним школьникам – самый страшный рассказ Эрнеста Хемингуэя. С глубоким философским анализом данного произведения. Половина учеников в моём классе эту строчку даже по слогам и то могли прочесть её только с большим трудом.

Я сегодня, как нарочно, ещё и дежурный. Виктор Иванович повелительным тоном наказал мне подготовить доску, расставить стулья, проветрить класс. А Нинке Назаровой, прославившейся своим красивым почерком, было дано почётнейшее поручение написать на чистой доске эту самую драматическую строчку. Все остальные ученики были немедленно удалены из класса на перемену.

Я быстро вымыл доску тряпкой, и Нинка приступила к изображению текста.

– Медведев, доска мокрая! – возмутилась она. – Я не могу на такой писать! Давай, вытирай насухо!

Да уж, Нинка сейчас ощущала себя на две, а то и на три головы выше меня! Она представляла себя практически заместителем учителя. Это как у японского сэнсэя есть обязательно первый ученик, который сидит на татами слева от учителя и даже вместо него проводит занятия, также и у Виктора Ивановича, да и всех остальных учителей, была Нина Назарова.

Нинка настолько пыжилась показать мне класс каллиграфии, что к концу текста у неё даже выступили капли пота на лбу.

– Я закончила! И чтоб класс проветрил! Вернусь – проверю! – пискнула Нинка, по своему обыкновению поставив руки на бока.

Я усмехнулся в ответ. Увидев мою реакцию, Нинка нахмурила брови и горделиво вышла за дверь.

Ну вот, стулья расставлены, окна открыты. Вроде всё готово к торжественному изучению нешуточного произведения. Я отошёл подальше от доски и ещё раз посмотрел на Нинкино творение. Ничего не скажешь, написано красиво. Но вдумываться в смысл этих слов мне почему-то не хотелось.

Что ни говори, а от этой строчки действительно веяло чем-то загробным, тоскливым. Я задумался. В классе только я один, больше никого нет. В моей голове тут же возникла очень жизнерадостная и очень безумная идея...

Я подошел к доске, взял мел и, стараясь подражать почерку Нинки Назаровой, приписал к строке рассказа ещё два слова. В результате рассказ Хемингуэя приобрёл следующий вид:

«Продаются детские ботиночки. Неношеные. Оболтус вырос.»

Едва я успел положить мел, как двери в кабинет распахнулись, и все ученики шумной гурьбой начали рассаживаться по своим местам. Последним в класс зашёл Паук.

Странная фигура, этот Виктор Иванович. Худой, сгорбленный, с шаркающей походкой, как у старика. А ведь он совсем молод. Я даже не уверен, есть ли ему сорок лет. Лицо, как маска, без каких-либо эмоций, взгляд бессмысленный, постоянно направленный куда-то в пустоту. Типичная книжная крыса, высохшая от своей работы и бесконечных идей Партии. Ему даже невдомёк, что значит сходить в горы, или сесть на велосипед, или от души поболеть за любимую команду перед телевизором с кружкой пива в руке. Но даже у такой крысы и то есть непреодолимое желание считать кого-нибудь ниже себя, кого-нибудь ненавидеть, на кого-нибудь позлоставать.

Памятуя поганенький характер Паука, ученики быстро успокоились и на смену режущему слух галдежу пришла звенящая тишина. И вдруг в этой тишине раздался слабый вскрик Нинки Назаровой. Я оглянулся назад. Нинка полными ужаса глазами смотрела на школьную доску, закрыв рот руками.

Постепенно, приглушённые хихиканья стали доноситься то из одного, то из другого конца класса. Виктор Иванович вначале не придавал этому значения. Но, когда весь класс начал уже откровенно хохотать, он насторожился, повернул голову на доску. Его глаза не естественно округлились, и он медленно встал из-за стола на полусогнутых ногах, как если б его перед этим несколько раз огрели кирпичом по голове.

– Назарова! Это что значит? – задыхаясь, закричал Паук.

– Это не я, Виктор Иванович! – плачущим голосом пропищала Нинка. – Это всё Медведев!

Виктор Иванович перевёл на меня вылезшие наружу глазные яблоки, а меня всего передёрнуло от этого жуткого лица. Глазные яблоки были белого цвета со словно нарисованными на них чёрными зрачками. Мне даже показалось что я вижу глазные нервы, идущие вглубь глазниц...

...и вот я стою на вытяжке, пытаюсь осознать всё своё ничтожество и свой вред советскому обществу. Правда, это осознание почему-то никак не хочет влезать в мою голову, как ни старается его сейчас туда забить Паук и ещё три десятка пар довольных злорадных глаз моих одноклассников, глядящих на меня со всех сторон. Вот он, наконец, момент истины: найден виновник всех бед, обрушившихся на несчастное человечество за последние лет сто.

– Я спрашиваю, какое вы имели право вмешиваться в чужое произведение? – повторил Паук.

Ещё тогда, будучи ребёнком, я сделал одно интересное наблюдение. Люди, которые обращаются к маленьким детям на «вы», не способны общаться ни с детьми, ни со взрослыми. Даже в общении со своими коллегами, Виктор Иванович гнусавым голосом канючил что-то неопределённое и неразборчивое. А я всегда считал, что учителю русского языка и литературы красноречия-то не занимать.

– Вы понимаете, что вы натворили? Вы вообще осознаёте себя? – раздавалось в тишине школьного класса.

– Осознаю! – неожиданно для себя ответил я.

– Что, что, что? – переспросил Виктор Иванович. До сих пор он смотрел на меня сверху вниз. Теперь же он присел и начал пристально всматриваться в меня снизу вверх. Я не шутку испугался. Мне показалось, что его глазные сферы сейчас оторвутся и упадут на пол.

– И что же вы осознаёте? – Виктор Иванович перешёл вдруг на шёпот. – Я хочу услышать подробности!

И, не дожидаясь ответа, продолжил сам:

– А я вам сейчас расскажу подробности! Вот вы израсходовали мел, чтобы осквернить великое произведение! А вы знаете, как тяжело изготовить такой вот маленький кусочек мела на заводе? Сначала нужно добыть известняк. А это труд тысяч шахтёров! Потом измельчить его в порошок. Потом смешать с гипсом, залить водой. Потом разлить по формам. А затем его надо просушить в печи! Потратить электроэнергию! Вы понимаете, во сколько государству обходится создание одного куска мела? А потом этот ценнейший материал берёт в руки какой-то разгильдяй и расходует его в пустую! Для того, чтобы изобразить на доске хулиганскую надпись! Теперь вы осознаёте, какой вред нанесли советскому государству?

Нинка Назарова слушала, открыв рот, и сопровождала кивком головы каждое слово учителя.

– Правильно, Виктор Иванович! – раздался её писклявый голос. – Двойку Медведеву и из класса выгнать! И в пионеры его не принимать!

– Сядь, Назарова! – неожиданно встрял Пашка Динамин. – А чё, мне нравится! Весёлый рассказ получился!

– Да ладно, чего там! Я из дома мел принесу, у меня много! – отозвался Лёшка Боровский.

– Товарищи! Дорогие мои! – завыл Паук. – Вы что, не понимаете? Разве дело в том, чтобы мел принести? У нас хулиганская выходка! У нас осквернение Великого! У нас, можно сказать, теракт против коммунистической Партии!..

– Всё, Медведев! Расстреляют теперь за антисоветчину! – по-деловому вставил Сашка Земской.

Внезапно Виктор Иванович осёкся. Он растерянно оглянулся на доску, потом на учеников. Что-то мне показалось, что несчастный учитель понял, какой бред он сейчас несёт. Все дети радостно глядели на доску, никто из них не дрожал, не возмущался...

– Смотрите, Назарова с ошибками пишет! – раздался чей-то голос.

– А?.. Что?.. Какая ошибка? – ошеломлённо пробормотал учитель.

– Не «Прадаются», а «Продаются»! – добавил я.

Виктор Иванович опять повернулся к доске. Нинка же сделалась краснее, чем варёная свёкла.

Паук неподвижно смотрел на Нинкин текст. И тут произошло нечто невероятное и необъяснимое. Виктор Иванович улыбнулся. Наверное, первый раз за всё время от своего рождения. Потом зажмурил глаза, замахал рукой и... безудержно захохотал на весь класс.

– Да ну вас!.. Всё!.. Всё!.. – сквозь смех выкрикивал учитель. – Медведев!.. Ну тебя!.. Сядь!..

Он еле держался на ногах от хохота. Потом плюхнулся за учительский стол и всё также продолжал покатываться со смеху. Он даже не заметил, как весь класс уже давно кувырчался от радости по своим партам.

Проходящая в это время по коридору завуч даже задержалась в недоумении у нашей двери, из-за которой летели вскрики Виктора Ивановича:

– Друзья мои! Но ведь здорово же получилось! Потрясающе!

Когда завуч, Зинаида Васильевна, открыла дверь в класс, ученики мгновенно прекратили смех и также моментально взлетели со своих мест в качестве приветствия. Злобная физиономия завуча никогда не сулила ничего хорошего. Зинаида Васильевна подозрительным взглядом обвела класс.

– Виктор Иванович, у вас очень шумно! У вас всё в порядке?

– Ничего, ничего, Зинаида Васильевна! – с трудом сдерживая смех, ответил учитель литературы. – Всё хорошо! Изучаем Хемингуэя!

– Прекрасно, Виктор Иванович! – строгим металлическим голосом ответила завуч. Она повернула недовольное лицо к доске, прочла текст. Рассказ Хемингуэя произвел на неё, примерно, такое же впечатление, как надпись на мусорном баке «Для пищевых отходов». Да и саму фамилию Хемингуэй Зинаида Васильевна услышала сегодня первый раз в жизни.

– Имейте ввиду, линейка сегодня начнётся раньше, на втором уроке! Попрошу не опаздывать! – добавила завуч, уже направляясь к выходу.

Ну вот и закончился первый урок. Второй тоже литература, но с линейкой. А сейчас перемена. Сашка Земской и Мишка Барсуков тут же принялись скакать вокруг Нинки Назаровой и на ходу сочинять про неё обидные дразнилки. Нинка отмахивалась от них учебником и, конечно же, во всех грехах обвиняла меня. Какое-то время я наблюдал за этой глупой пантомимой, потом вспомнил, что сегодня мне бабушка завернула с собой пирожок с капустой. Как же можно забыть про такое лакомство! Я немедленно полез за пирожком в портфель, но тут зазвенел звонок на урок. Но уж нет! До следующей перемены я не дотерплю. Пирожок нужно съесть сейчас, украдкой. Я нащупал увесистый свёрток, вытащил его из портфеля и спрятал под пиджак.

Мишка и Сашка в окружении толпы своих сверстников, заливаясь от радости, вконец убедили себя и всех остальных учеников, что Нинка пишет с ошибками, потому что по утрам ловит какашки в унитазе и ест их. В таком приподнятом настроении все побежали рассаживаться за свои парты.

Начался второй урок литературы. Не успел отзвенеть звонок, как в класс опять вошли завуч, старшая пионервожатая, и ещё какой-то мрачный хмырь под названием методист-воспитатель. Я думал, что нас сейчас строем поведут на линейку, но в актовый зал никто не торопился. Все стояли и чего-то ждали. А я незаметно отломил солидный кусок пирога и целиком затолкал его в рот.

Но вот дверь в кабинет распахнулась. В класс, чеканя шаг, вошли ещё трое учеников из восьмого класса, две девчонки и парень. Впереди всех вышагивала Старкова. Ого, да её не узнать! Белый фартук, белые чулки, волосы заколоты, на голове красная пилотка! Все трое несли стопки книг. Подойдя к учительскому столу, они сложили на него книги, потом выстроились в ряд и отдали пионерский салют. Вот это да! Я чуть не поперхнулся пирогом. А это точно книги? Что же это такое они принесли, часом не мощи Ленина? Завуч и все остальные захлопали в ладоши. Старкова с товарищами по-военному развернулись на месте и, также отбивая шаг, вышли из класса.

– Так, дети, тише, тише! – взяла слово Зинаида Васильевна. – Сегодня мы с вами прикоснёмся к тайне! Сегодня мы прикоснёмся к настоящей святыне всех октябрят и пионеров!

Она подошла к столу, распаковала одну из стопок и вытащила совсем тоненькую книжку с красочной обложкой. На обложке изображён мальчик со скворечником и барышня в синем платье.

– Вот дети, это рассказ Зои Воскресенской «Секрет»! – благоговейным голосом продолжала завуч. – Кто-нибудь знает о чём он?

Класс молчал. Даже Витька Костенкович сидел, опустив голову. Я сразу узнал эту книжку, но выступать не стал. Выступать по поводу святыни с набитым ртом, наверное, страшный грех.

«Ну и дикари! Такую книжку и то в глаза не видели!» – пронеслось у меня в голове.

Не дождавшись ответа, Зинаида Васильевна принялась объяснять:

– Это рассказ про маленького Володю Ульянова, который подарил своей маме на День рождения скворечник! Чтобы скворцы пели ей песни!

По всему классу прошелестел возглас восхищения. Пользуясь тем, что все присутствующие в классе находятся на вершине эйфории и мало чего замечают вокруг, я опять тайком откусил кусок пирога. Невольно вспомнил этот рассказ, прочитанный мною как раз накануне вечером. Даже мне, ребёнку и то стало сразу понятно, каким тонким психологом, была Зоя Воскресенская. Вроде бы, в центре повествования обыкновенный домик для птиц, а итог – невероятная духовность одного человека. В семье Ульяновых все дети преподнесли подарок своей маме. Но вот Володя Ульянов сделал не просто подарок, а нечто возвышенное, то, чего не дано было понять никому другому и что сразу вознесло его если не в ранг сверхчеловека, то уж на уровень гения точно.

Дальше началась раздача книжек. Все ученики по очереди выходили к доске, клали правую руку на книжку и читали чудовищную клятву на верность Ленину, Партии и мировому пролетариату. Каждый восьмилетний ребёнок, будь то мальчик или девочка, обещал до последней капли крови защищать Родину, а если подвернётся возможность, то и пулемёт грудью закрыть. Но уж если кто-то не пожелает переселиться в мир иной за идеи Партии, ждала лютая кара от рук своих товарищей. Затем нужно было обязательно прикоснуться рукой к октябрятской звёздочке, давая тем самым понять, что ты даёшь обещание не только присутствующим здесь людям, но и самому Ему, Великому Вождю.

Только после этого, старшая пионервожатая торжественно вручала книгу. Получил книжку и я. А после этого всем велели подняться на пятый этаж в актовый зал на линейку.

Дети есть дети, и все с галдежом и смехом вразной побежали на пятый этаж. Конечно, это зря. Лучше бы пошли все вместе.

На лестничной площадке, между четвёртым и пятым этажом, их уже поджидала банда «самбистов» во главе с Макеевым.

– Э, мелкота! А ну стоять! Куда чешете?

Хулиганы с довольными улыбками окружили самых первых второклашек, бежавших в актовый зал. Это были Витька Костенкович, Серёжа Солдатов, Пашка Динамин и кто-то ещё из ребят. Судя по всему, предстояло изысканное развлечение.

– А это чё у вас такое? – вперёд выступил Макеев. Он выхватил у Серёжки книгу, поднял её двумя пальцами на уровне глаз. – Гляди, пацаны, книжки умные им дали! Про Ленина!

– Макеев, отдай! – смело выкрикнул Серёжа Солдатов и протянул руку за своей книгой.

– Чё ты сказал, мелкий? – промычал Макеев. – Щас размажу!

Он схватил Серёжку за лацкан пиджака и отшвырнул метра на три в сторону. В его голове уже созрел план шикарной потехи.

– Т-а-а-а-к! – довольно протянул Макеев, прохаживаясь перед оробевшими учениками. – Значит, Ленина читать будете? Да, Динамин-Говнянин?

Верзила приподнял пальцем за подбородок лицо Пашки кверху.

– Так вы ж его прочтёте и забудете! А Ленина забывать нельзя! А вот чтоб вы его всю жизнь помнили... – Макеев многозначительно поднял вверх палец. – Мы сейчас проведём ритуал запоминания! Ритуал называется «Три раза по носу»! Ну чё? Кто у нас первый? Солдатов, давай! Ты же у нас – солдат, самый стойкий!

Макеев скрутил книжку в тонкую трубку, взял Серёжку одной рукой за грудки и приподнял над полом. А второй рукой принялся хлестать его скрученной книгой по носу.

– Это чтоб Ленина помнил, раз! Это чтоб Партию помнил, два! А это, чтоб Карла Маркса не забывал, три! Теперь, катись отсюда!

Он опустил Серёжку на пол, наклонил и со всей силы отправил его коленом под зад прямоком в двери актового зала.

– Следующий! – радостно заржал Макеев, хватая за грудки Пашку Динамина. – Давай книгу! Ритуал выполняется только своей книгой! Иначе забудешь!

Остальные ребята хотели дать стрелача вниз по лестнице, но «самбисты» окружили их плотным кольцом, отрезав все пути к отступлению. Понятное дело, дать отпор такому громиле, как Макеев, да ещё спортсмену, не мог никто. Через экзекуцию пришлось пройти всем мальчишкам из моего класса. Девочек не тронули. Я же шёл в актовый зал почти самый последний. Ещё с нижних этажей я заметил, что наверху творится что-то неладное, услышал и голос Макеева. На всякий случай решил спрятать книжку под пиджак, туда, где уже лежала ценная половинка пирога.

Когда я подошёл к последнему пролету на пятый этаж, то увидел Нинку Назарову, возле которой, как рой мух, вертелись «самбисты».

– Да ладно, Назарова! Чего ты стесняешься, здесь все свои! – раздавались радостные молодецкие голоса. – Нам Земской всё про тебя рассказал! Мы всё знаем! Ну расскажи, как они, какахи-то, на вкус?

– Дураки безмозглые! – огрызнулась Нинка и торопливой походкой скрылась в дверях актового зала.

Увидев меня, «самбисты» тут же забыли про Нинку.

– О-о-о-о-о! – воздух школы сотряс громогласный возглас из десятка глоток. – Твою ж мать! Да никак сам Медведь к нам пожаловал!

Макеев, пританцовывая, подбежал ко мне. Его наглая физиономия светилась настоящей неподдельной радостью.

– Эх! Медведев! Ну дай-ка хоть обниму тебя! – бесновался громила. Закинул свою ручищу мне на шею, притянул к себе. – Дай-ка хоть насмотрюсь на тебя! Тут, Санёк, дело такое...

Макеев сладко причмокнул губами и продолжил:

– В общем... хана тебе! Сейчас с тобой ритуал делать будем!

Как часто я задаю себе вопрос – почему в человеческом обществе утвердилось мнение, что сильные люди должны быть добрыми? Глупость это несусветная. В жизни я не встречал людей сильных и добрых. Все сильные – злые! Человек слабый, робкий, болезненный никогда не нападёт на тебя, никогда не обхамит, никогда не пихнёт тебя просто так на улице. Нападают только те, кто чувствует за собой силу. Сила – это зло! Сила даёт людям уверенность? Нет, не уверенность. Только наглость, хамство, злобу, а зачастую, и малодушие.

Макеев удивлённо оглядел меня со всех сторон.

– Э, Медведев, а где книга-то? Слышь, мужики, да ему даже книгу не дали!

Вся орава от души загготала.

– Да чего, в натуре, книгой обделили? Или ты у нас совсем не ленинец? – Макеев был просто в ударе от веселья.

– Атас, пацаны, сюда Зинка идёт! – крикнул кто-то из «самбистов». – Макей, да отпусти ты его. Какой тут ритуал без книги!

Действительно, с нижнего этажа сюда поднималась Зинаида Васильевна.

– Ну, Медведь, повезло тебе сегодня! – зловеще прошипел Макеев. – Смотри, ещё раз без книги увижу, будешь петь марш Будённого! Вали на свою линейку!

Он схватил меня ладонью за шею и с размаху швырнул по направлению к дверям актового зала. Я, наверное, не устоял бы на ногах, но на моё счастье, я ткнулся грудью в деревянные перила лестницы и, как по наклонной плоскости, взлетел на площадку пятого этажа.

– Макеев, опять буянишь? Почему не на уроке! – снизу раздался голос завуча. Зинаида Васильевна души не чаяла в Саше Макееве и его «милых» друзьях.

– Да что вы, Зинаида Васильевна, проводим патриотическое воспитание молодёжи! – с подчёркнутой вежливостью отрапортовал Макеев.

Что происходило на лестнице дальше уже не было слышно. Я увидел, как все ребята из моего класса давно стоят на линейке и поспешил встать в общий строй.

– Медведев, где ты был? Опять тебя все ждали! – услышал я знакомый писклявый голос.

– За тебя Макееву про кашки рассказывал!

Нинка обиженно засопела и отвернулась.

Оказывается, на линейку приехал фотограф. Все ребята по очереди выходили на середину актового зала, садились на стул, перед собой обязательно держали «Секрет» Зои Воскресенской.

Я тоже вышел фотографироваться. Сел на стул. Ах да! Нужно достать книгу. Я полез рукой под пиджак... и у меня всё похолодело внутри. Моя рука влезла во что-то липкое и скользкое. Пирог! Влёт на перилах не прошёлся даром. Пирог раздавился и его содержимое, по всей видимости, вылезло мне на рубашку. Ватной я рукой вытащил книгу из-под кителя. Вместе ней на пол посыпались остатки капусты, куски теста, рубленные крутые яйца.

Печальное зрелище в первые минуты повергло присутствующих в зале шок. Я подумал, что сейчас все начнут смеяться над мной, показывать на меня пальцами. Но нет! Учеников сковал страх. Страх и ужас! На обложке книги, на том самом месте, где был изображен маленький Ленин, расплывалось огромное жирное пятно.

Я ещё не успел прийти в себя от увиденного, как кто-то схватил меня сзади за воротник и, словно котёнка, скинул со стула.

– Вы посмотрите, что скот сделал! – услышал я чей-то крик, больше похожий на собачий вой. Кажется, это была наша завуч. Вокруг меня уже собралась целая толпа. Справа я увидел Татьяну Вадимовну. С перекошенным от ужаса лицом она поднесла руки к вискам, но не схватилась за голову, а бешено трясла ими по воздуху.

– Ленина... Ленина... Ленина убил! – шептала она. – Люди... люди, сюда! Ленина убили!

Слева старшая пионервожатая Марина, завуч, фотограф, ещё человек пять незнакомых мне учителей.

– Медведев! Медведев! Ты понимаешь, что ты сделал? – визжала пионервожатая. – Ты знаешь, что это за книга? Это Библия октябрёнка! Ты надругался над Библией!

Кто-то бил мне по рукам, по кителю, пытаюсь выбить оттуда остатки пирога, а заодно и остатки дури из головы. Для меня всё было, как в тумане. Я стоял неподвижно, вжав голову в плечи, смотрел на измазанную обложку книжки, но мозг ни в какую отказывался воспринять реальность. Вот оно, как просто оказывается стать преступником, убийцей! Да, убийство Вождя, пусть даже нарисованного, это уже реальный срок. Это уже колония для малолетних...

– Директора! Директора, позовите! Скорей! – раздавался чей-то истошный вопль на весь зал.

Прибежал директор. Помню его, как сейчас. Рыжий, картавый... Помимо должности директора, он ещё совмещал должность учителя физкультуры. Не выносил, когда его называли физкультурником. Оказывается, он «преподаватель физической культуры»!

– Что случилось, товарищи? Объясните мне толком! – в зале раздался его жесткий начальственный голос. Я увидел его лицо, встревоженное и, в то же время, непонимающее. Судя по всему, вбегая в двери актового зала, он рассчитывал увидеть распластанные в лужах крови изуродованные тела, рухнувший потолок или подлетающую в ясном майском небе американскую ядерную боеголовку. Но ничего такого не было, кроме разбросанной по полу какой-то еды.

– Алексей Станиславович, у нас трагедия! – рыдающим голосом запричитала завуч. Она подбежала к директору и сунула ему в руки мою книжку. – Вот, посмотрите!

Алексей Станиславович изменился в лице, и со взглядом человека, идущего с одним штыком на немецкий «Тигр», направился ко мне...

Ну сейчас начнётся... Сейчас будет такая кара, что годы на малолетке мне санаторием покажутся. Я внутренне приготовился, в голове на уровне рефлекса чётко озарились особые правила, которые я должен был неукоснительно выполнять при любой экзекуции. Этот свод правил был специально разработан для меня дома, ещё тогда, когда я ездил в коляске, и, в последствии, хорошо утверждён в школе. Правила гласили следующее:

1. Ты виноват всегда. Окружающие всегда правы.
2. Никакая, провинность не может быть забыта.
3. Когда ты виноват, у тебя есть только одно право – стоять навтыжку и огребать по заслугам.
4. Плакать – запрещено.
5. Кричать – запрещено.
6. Закрывать руками – запрещено.
7. Убегать – запрещено.
8. Оправдываться – запрещено.
9. За неисполнение любого пункта взлупка будет намного больней и страшней.
10. Если окружающие неправы – см. п.1.

Эти чёртовы правила врезались в моё подсознание на всегда. Как микропрограмма, зашитая намертво в микросхему ПЗУ. Избавиться невозможно. Любая конфликтная ситуация, любой спор, и в голове моей мгновенно возникают проклятые директивы, не дающие никаким образом ответить своему противнику. Попробуй-ка теперь, сбрось свой мозг на заводские настройки! Для этого придётся умереть и заново родиться.

Алексей Станиславович подошёл ко мне вплотную, долго и пристально всматривался в моё лицо.

– Ви давали клятву? – жёстко проговорил он.

– Давал! – замотал головой я.

– Ви дехжали рюку на звёздочке?

– Держал!

– Ви понимаете, что ви обманули не меня, не своих товарищей? Ви Ленина обманули!

О, Боже! Я только сейчас понял весь масштаб и весь ужас своего преступления. Солгать Богу мирового коммунизма! Обещать Ему закрыть пулемёт грудью, а после этого вляпать пирог в его Священное Писание! Да здесь даже Гитлер, Пиночет и Пол Пот вместе взятые и рядом не стояли!

У меня потемнело в глазах, пол закачался под ногами. Лучше б меня Макеев отлупил, хоть книга цела была бы. Вот они, директивы то... Не спроста мне их в голову закачали. А я, дурак, избавиться от них хочу.

– Я считаю, что о пьюме в пионеры этого ученика даже и речи быть не может! – Алексей Станиславович повернулся к своим коллегам. На ближайшем педсовете, мы поставим вопрос о дальнейшем пребывании этого ученика в стенах нашей школы! Всё, товарищи! Я у себя в кабинете!

Директор развернулся и быстрым шагом вышел из зала. Я остался стоять один. И на меня, словно Глас Божий, откуда-то сверху, рушились громopodobные приказы:

– Мать в школу! Немедленно! Сегодня же! Два пятьдесят за испорченную книгу чтоб принесла! Найдёшь ведро и тряпку, и чтоб весь зал от своих харчей вымыл!

Глава 2. Дыхание войны

2003 год, 23 июня. Багдад, округ Дияла.

– Ахмед, что ты там копаешься? Давай, заводи уже! Надо сматываться отсюда!

Ахмед, коренастый мужик, лет сорока пяти, высунул голову из-под крышки капота потрёпанной Тойоты Карго Ван и в пол голоса ответил:

– Сейчас! Ещё немного подождём!

– Говорю тебе, Ахмед, не придёт он! Мы уже и так охране примелькались! Поехали быстрее!

Человека, торопившего Ахмеда, звали Салех. На вид он был немного по моложе своего товарища, но такой же крепкий и широкоплечий. Оба были из шиитского района Кад-хамия. Десять минут назад их фургон Тойота остановился прямо напротив КПП американской авиабазы «Рашид». Из-под капота машины повалил густой пар, и Ахмед, который сидел за рулём, вылез из кабины и принялся прямо на дороге ковыряться в моторе. Салех остался сидеть на пассажирском кресле рядом с водительским. Его что-то беспокоило, он то и дело бросал встревоженные взгляды в сторону главного входа на авиабазу.

Изначально этот военный объект принадлежал иракской армии, но в марте началась война с возглавляемой Соединёнными Штатами коалицией. Иракские военные без боя бежали с авиабазы и теперь здесь хозяйничали американцы.

Опасения Салеха, видимо, были не напрасными. Со стороны КПП за ними наблюдали уже несколько пар недовольных глаз. Дверь пропускного пункта распахнулась и оттуда вышел солдат в серой камуфляжной форме с нашитой эмблемой в виде американского флага и каске. На шее у него висел автомат. Солдат несколько секунд потоптался на пороге, а затем направился к машине.

– Эй, вы, двое! – заорал он на всю улицу. – А ну убирайте отсюда свою колымагу! Здесь не положено стоять!

Ахмед выскочил из-под капота.

– Прости, уважаемый! – молящим голосом обратился он к солдату. – Проклятая развалина доконала меня! Дай мне одну минуту, я всё почию!

Солдат подошёл поближе, недоверчиво оглядел фургон. То, что простой иракец говорит по-английски немного удивило его.

– Минута – это много! Даю тридцать секунд!

В это время из КПП вышел ещё один военный. Этот был без оружия, одет легко. В камуфляжных штанах и такой же камуфляжной футболке. Он тоже подошёл к машине и спросил:

– Что здесь происходит?

Солдат моментально вытянулся по стойке «смирно».

– Сэр, двое местных поставили свою развалюху и не желают убираться! – доложил он.

– Спасибо, сержант! Можете быть свободны! Я разберусь!

– Есть, майор!

Сержант, явно обрадованный тем, что разбираться с местными самому не придётся, взял под козырёк и через секунду испарился.

Оставшись один, майор обошёл вокруг машины, мрачно оглядел её со всех сторон. Проходя мимо Ахмеда, что-то быстро сунул ему в руку.

– Можете проваливать! – нарочито громко выкрикнул американец, так, что его голос был слышен даже за стенами КПП. – Если ещё раз задумаете здесь сломаться, арестую!

Ахмед радостно забежал около майора, захлопнул крышку капота и одним махом запрыгнул на водительское сиденье. Мотор завёлся с пол-оборота, и Тойота с несвойственной для такой развалюхи прытью сорвалась с места.

– Да хранит вас Аллах, достопочтенный! Обещаю, больше не сломаемся! – в открытое окно крикнул Ахмед.

Тойота уже неслась по пустынному шоссе вдаль от авиабазы, вздымая за собой целый хвост рыжей пыли.

Ахмед вытащил зажатый между пальцами клочок бумаги, полученный от майора. Развернул его. На смятом листке наспех было нацарапано карандашом «Thu 11am».

– Ха-ха-ха-ха! – Ахмед разразился радостным смехом. – Смотри, Салех! В четверг в одиннадцать утра! А ты говоришь: «не придёт, не придёт»! Деньги все любят!

– Хвала Аллаху! – отозвался Салех. – Я думал нас схватят! Слишком какой-то мутный этот майор!

– Да наплевать на это, Салех, какой он, мутный или нет! Главное – жадный до денег!

– Куда мы сейчас едем?

– К Далиле!

Далила Хамраз и её сын Абигейль жили в самом южном районе Багдада – Доре. Когда-то, это был, пожалуй, самый цветущий и цивилизованный район Багдада, утопающий в финиковых пальмах, с шикарными усадьбами, ресторанами и антикварными магазинами. Подавляющее большинство населения Доры – ассирийские христиане. Это была настоящая отдушина свободы и равноправия. Здесь женщины-христианки запросто ходили по улице с распущенными волосами. Здесь можно было даже купить алкоголь, несмотря на повсеместный запрет. Существовало мнение, что Дора по истине столица христианства посреди мусульманского мира.

Далила и Абигейль тоже были христианами. Мало того, они были последователями Сиро-Яковитской Православной церкви. Но назвать их набожными, конечно же, нельзя. Далила получила высшее медицинское образование в Москве и работала врачом-хирургом в местной больнице. Настоящая современная женщина, не признающая никаких религиозных предрассудков, ни христианских, ни мусульманских. Высокого роста, с потрясающей фигурой, с распущенными до талии волосами, Далила не могла не оставить равнодушным ни одно мужское сердце. Её муж и отец Абигейля Нафер Хамраз придерживался таких же взглядов. Он был профессиональным военным. Воевал на стороне Саддама во время войны в Персидском заливе в девяносто первом. Через месяц был убит прямым попаданием в его БТР американской противотанковой ракетой.

После этого, Далила возненавидела режим Хусейна. Она искренне обрадовалась, когда в марте две тысячи третьего в Ирак вошли американские войска. Далила действительно верила, что американцы свергнут ненавистную ей диктатуру, установят мир и порядок.

Однако, уже через месяц стало понятно, что с приходом американцев ситуация в стране только ухудшилась. В тихую Дору начали сползаться бандитские группировки. Одни провозглашали себя шиитами, другие суннитами. Хотя кто-то из них вряд ли даже приблизительно представлял, что означают эти направления в исламе. И эти группировки принялись вести бесконечные разборки между собой. Каждая такая разборка выливалась в массированные террористические акции против христиан. Начались откровенные гонения на «неверных». Американские военные никак не препятствовали бесчинству бандитов. Христианские семьи постепенно стали покидать родной город.

Но Далила не сомневалась в правоте американской демократии. Она всё также искренне верила, что все эти потрясения временные, что доблестные американские парни возьмут ситуацию в городе под свой контроль, уничтожат террористов, предадут суду Саддама Хусейна,

проведут честные демократические выборы. А потом, через месяц, максимум через два, в Багдад опять вернётся мир и свобода.

Больница Аль-Халес, в которой работала Далила, была переоборудована в военный госпиталь. Раненых американских солдат сюда свозили в основном с расположенной неподалёку авиабазы «Рашид». Вот здесь-то на красавицу-хирурга и обратил внимание один из офицеров с этой самой авиабазы. Офицера звали Фрэнк Митчелл. Высокий, статный, с изысканными манерами, он произвёл сильное впечатление на Далилу. В звании майора, он служил в составе первой дивизии морской пехоты США, а на авиабазе занимал должность начальника боевого охранения. Далила не смогла устоять перед чарующей улыбкой бравого американского военного. Митчелл не просто оказывал знаки внимания молодой женщине, а делал это красиво и со вкусом. В обязанности майора входило не только охранять базу, но также и сопровождать группы раненых до госпиталя. Каждый раз появляясь в больнице, он преподносил Далиле букет цветов, и обязательно справлялся, как идут дела у Абигейля. А однажды, заметив, что на работе Далила носит старенький, местами рваный халатик, подарил ей и всему отделению настоящие американские комплекты медицинской формы для хирургов. Далила не могла забыть тот день, как все коллеги с завистью смотрели на её потрясающего знакомого. А он даже ничего не потребовал взамен для себя. Только попросил, чтоб побольше уделяли внимания двум тяжелораненым бойцам. Вдобавок, Фрэнк Митчелл такого же возраста, как она, да ещё и не женат...

Далила после того, как лишилась мужа, вот уже двенадцать лет жила одна с сыном. Она всё привыкла делать самостоятельно. Она и забыла, что значит быть женой, что значит быть рядом с любимым мужчиной. А ей всего сорок три года. Абигейлю двадцать. А ему тоже ох, как не хватает отца. Он и молоток-то почти не умеет держать в руках.

В дом к Далиле частенько наведывались бывшие сослуживцы её мужа Салех и Ахмед. Они хоть и являлись мусульманами, но с Нафером дружили очень крепко. И после его смерти семью Хамразов не забывали. Регулярно заезжали в гости, помогали по хозяйству. Неженатый Ахмед несколько раз пытался ухаживать за молодой вдовой. Правда, Далила не очень отвечала ему взаимностью. Салех и Ахмед казались очень порядочными мужчинами. Они не позволяли себе никаких вольностей или бестактности по отношению к Далиле. Но что-то в них настораживало молодую женщину. Слишком уж они были какие-то скрытные, ничего про себя не рассказывали. Даже про службу с её мужем мало распространялись. Другое дело Фрэнк Митчелл... Весёлый, открытый, разговорчивый. С Абигейлем они сразу стали друзьями. Майору не разрешалось покидать расположения базы, но иногда ему давали увольнения на день или два. И тогда Фрэнк немедленно отправлялся в гости в дом Хамразов.

Сегодня понедельник. У Далилы закончилось воскресное дежурство в больнице. В десять часов утра, валясь с ног от усталости за ночную смену, она наконец добралась до дома и открыла входную дверь. В нос ударил привычный запах домашнего уюта, который разительно отличался от запаха больницы. В квартире тишина, Абигейль, как обычно, всё ещё валяется на диване.

– Аби! Ну-ка вставай, бездельник! – прямо с порога закричала Далила. – Время уже десять утра!

Абигейль был студентом-медиком. Понятное дело, что, как и его мать, он решил стать врачом. А потому, вот уже второй год учился в Багдадском университете на медицинском факультете. Сессию в этом году так и не получилось завершить полностью. После вступления американских войск в Ирак, больше половины студентов, а ещё больше преподавателей разбежались из университета. И начнутся ли в нём занятия на следующий год, тоже было под большим вопросом. В какой-то степени, Абигейль был даже рад этому. Не нужно было больше готовиться к экзаменам, сдавать зачёты и писать курсовые. По крайней мере, до октября. Хоть можно вдоволь побездельничать и поспать до обеда. Жаль только стипендии не будет и жить придётся только на зарплату матери.

Далила раздражённо вошла в комнату Абигейля.

– А ну вставай! Я кому сказала?

И она, не примерившись, звонко хлопнула Абигейля через одеяло.

– Мам, хватит! Ну ещё чуть-чуть! – сквозь сон забормотал её сын.

– Я тебе дам, «чуть-чуть»! Я сейчас в душ, а когда вернусь, чтоб уже на ногах был и постель убрана!

Далила развернулась и быстрым шагом направилась на выход из комнаты. В это время на улице перед самым домом раздался писк тормоза и звук мотора остановившейся машины.

«Кого там ещё принесло?» – с тревогой подумала Далила. Словно в ответ на её мысли в дверь постучали. Мать Абигейля осторожно подошла к окну. Прямо перед домом она увидела знакомый фургон Тойота, а на пороге неразлучную парочку – Салеха и Ахмеда. Далила облегчённо вздохнула, открыла дверь.

– Салам алейкум, милая Далила! – раздался зычный голос Ахмеда. Его лицо расплылось в дружеской улыбке так, что большие черные усы достали почти до самых глаз. Он с нежностью обнял молодую женщину. Ахмед никогда не позволил бы себе прикоснуться к мусульманке, но здесь они в доме христиан. Здесь можно отступить от привычных правил и законов.

– Малейкум ас-салам, дорогой! – ответила Далила. Потом также искренне они обнялись с Салехом.

– Проходите за стол! – пригласила она гостей. – Я сейчас приготовлю чай!

– Ты только посмотри, какой лукум мы принесли! – Ахмед протянул ей запечатанный пакет со сладостями.

– Эх, Ахмед, такая хозяйка и одна пропадает! – отозвался Салех. – Ну я понятно – трое детей! А ты-то, Ахмед, совсем не женат! И как только ты упускаешь такое счастье!

Ахмед грустно пожал плечами. Все трое задорно рассмеялись и сели за большой квадратный стол в гостиной.

Глава 3. Поединок

Сегодня физкультура. Терпеть не могу этот урок. Посещал я его очень редко. Из-за проклятого ложного крупы у меня почти всё время были освобождения. Но иногда волей-неволей, но приходилось приходить на эти уроки. Не знаю, как это объяснить, но уроки эти были какие-то неприятные, тоскливые, напряжённые. Весёлыми они были только для хулиганов, вроде Сашки Земского да Мишки Барсукова. Вроде и учитель неплохой, Владислав Григорьевич. Ему было лет восемнадцать. Он очень тщательно следил за детьми. На его уроках всегда был порядок. Никто не дрался, не баловался. Хотя, за такими «чертями», как Земской и Барсуков, даже он, и то не всегда мог уследить. Но уж чтобы кто-то расшибся или ударился при выполнении упражнений, такого в жизни не было. Матери всех детей, даже те, кто были замужем, души в нём не чаяли. И в самом деле, и внешне он был очень приятным человеком. Но вскоре его забрали в армию. Вся школа рыдала на его проводах.

Через два года он вернулся... Но вернулось уже нечто... От прежнего Владислава Григорьевича не осталось и следа. Вернулась крайняя мразь. Наглая, хамская, лишённая каких-либо моральных устоев. Типичный армейский отморозок. Одним словом, «настоящий мужик» вернулся.

Но это ещё было всё впереди. А пока, Владислав Григорьевич самый милейший из всех учителей. И сегодня он заболел. Сегодня будет кто-то другой. Освобождение у меня закончилось и, хочешь не хочешь, но придётся идти на эту физкультуру. Конечно, можно было сходить в поликлинику, разныться про плохое самочувствие, и выпросить очередное освобождение. Но вот только просто так, «по-тихому» мне его никогда не давали.

Поход в поликлинику всегда был тяжёлым испытанием. В поликлинике мне обязательно делали что-нибудь такое, отчего я выл во всю глотку. Внутренне, конечно же. Выть по-настоящему в детской поликлинике было нельзя. По крайней мере, мне. Другие дети орали, как резанные, запросто. Наверное, это были послушные дети, им можно. Я не знаю, чтоб со мной сделали советские доктора, если б я заплакал наяву. Скорее всего, друзья мои, вы бы не читали сейчас этой книги. В меня втыкали шприцы с десятисантиметровыми иглами, в пальцы засаживали стальные перья для взятия крови. Перья гнулись, их выправляли об стол и всаживали вновь... Но позволить себе заплакать я мог только про себя. Здесь нужно было соблюдать особую осторожность. В меня пристально всматривались все участники «эзекуций». И начинали задавать вопросы:

– А чего это я слишком часто подношу ладони к глазам?

– А почему это вдруг глаза заслезились? Здесь нет яркого света!

– А чего это я постоянно оглядываюсь на дверь? Там нет никакой мамы!

Так это что, здоровый советский малый, которому в армию пора в семь лет, плачет? Да это маменькин сынок! За такое палкой и в колонию для малолетних!

Как видите, дорогие читатели, плакать в советской поликлинике категорически запрещалось даже в мечтах.

А ещё, у меня было слабое горло, и я часто болел ложным крупом. Поэтому меня регулярно водили к «ухо-горло-носу». Визиты к этому доктору я просто «обожал». В его кабинете была особая достопримечательность – советское кресло отоларинголога. Занятная вещь, скажу я вам. На что оно похоже, трудно сказать. Уж точно не на лечебное оборудование. Но однажды я увидел точно такое же кресло в учебнике истории, на средневековой испанской гравюре – кресло для пыток святой инквизиции.

Я садился в это кресло, врач брал в одну руку что-то вроде огромных кусачек или ножниц, в другую руку железный крюк, засаживал мне всё это в горло, до самого желудка, и начи-

нал шуровать... На языке врачей это называлось «выдрать жабры», а выражаясь человеческим языком – чистка миндалин.

Что можно сказать про эту процедуру? Сказать, что это больно? Или очень больно? Но это покривить душой. Что могла бы сказать рыба, умея она говорить, если б ей действительно заживо вырвали жабры? Кстати, кашлять или давиться во время процедуры было также запрещено.

После визита к «ухо-горло-носу» прямиком в кабинет окулиста. Это непременно. Куда ж без него. Ведь плохое зрение я сделал себе сам, потому что не слушаюсь и балуюсь. И сутки напролёт смотрю телевизор! Это не имеет значение, что старенький черно-белый «Рекорд» способен работать только полчаса в день и только раз в неделю. Раз плохое зрение, значит смотрит! Это ведь легче всего, взять и назначить причину. И думать больше не надо. А попробуй-ка, определи почему у человека плохое зрение без причины? Это уже всё, сбой программы! Советский мозг такое точно выдержать не сможет.

Так что, надо решать, что ж делать с таким безответственным обалдуюем – в детдом его, или огромные линзы на «бельма»? Вот тогда будет знать, как ночью о «чертовне» думать! Тут начиналось самое интересное. Врач, увидев, что я не могу прочесть даже первую строчку таблицы, приходил в ярость. Доставалось, в основном, моей бабушке, так как она чаще всех ходила со мной к врачу.

«Что привела-то неполноценного? Не знаю я, чего у него с глазами! Веди его, куда хочешь – в школу для дураков, в милицию!.. Только сюда не води!»

Вот вам и медицинский диплом вместе с клятвой Гиппократы. Хотя в Советском Союзе клятву Гиппократы не давали, давали ещё более страшную и жесткую «Клятву Советского Врача». По сравнению с ней, клятвы Гиппократы так, тьфу...

Плохое зрение у меня образовалось в результате многократных приступов ложного крупа. Но это бывает только у хороших и послушных мальчиков. А я в своей близорукости виноват исключительно сам! Здесь советская медицина бессильна!

Так что неизвестно, что лучше. Может лучше даже сходить на физкультуру.

Перед самым уроком, наша классная Галина Викторовна объявила, что раз Владислав Григорьевич заболел, вести физкультуру сегодня будет Ирина Владимировна. Ничего себе! Вот это, новость! Ирина Владимировна – это мама Серёжи Солдатовы. Серёжка был единственным учеником в нашем классе, у которого мать работала в этой же школе учителем. Но вела она физкультуру только в старших классах.

Ирина Владимировна была довольно привлекательная блондинка, тридцати лет, очень стройная, на первый взгляд не злобная, не идиотка, не коммунистическая фанатичка. Но особого расположения или доверия к Серёжкиной мамаше я не испытывал. Была у неё одна противенькая черта характера, которая перечёркивала всю её эффектную внешность. В свои тридцать лет она из всех сил старалась косить под подростка. Особенно перед парнями. Косила во всём. В одежде, в походке, в манере разговаривать. Словом, всем своим видом пыталась показать, что никакая она не учительница, а своя девчонка в классе.

Ко мне относилась с насмешкой, с пренебрежением, как к человеку второго сорта. Ещё бы, крутая фанатка «настоящих мужчин». Куда уж мне до них. А вот её сын далеко не отличался брутальностью. Невысокого роста, хлипкого телосложения. Серёжа Солдатов был, пожалуй, один из самых тихих и скромных детей во всей школе.

Вела Ирина Владимировна физкультуру в восьмых, девярых и десятых классах. Как раз там, где учился Александр Макеев и его банда. Тут можно даже не уточнять, что двухметровый альфа-самец был настоящим кумиром Ирины Владимировны. Она буквально рассыпалась и таяла перед милейшим пареньком Сашей Макеевым. Да и не только перед ним. Перед его отморозенными головорезами тоже.

Я нехотя переоделся в спортивную форму. Я нарочно переодевался очень медленно, чтоб как можно дольше оттянуть «удовольствие» посещения физкультуры. Обычно Владислав Григорьевич сам приходил к нам в класс и всех строем вёл в спортзал. Но сегодня не пришёл никто и все ученики пошли на занятия сами. Спортзал располагался на первом этаже школы в отдельной пристройке. Самым последним на урок физкультуры потащился и я.

Войдя в спортзал, я сразу заметил множество учеников из старших классов и какое-то несвойственное оживление. По залу с хозяйским видом расхаживал Макеев, а в углу, где располагалась шведская стенка и лежали сложенные стопкой кожаные маты, толпился почти в полном составе отряд «самбистов». Я только потом увидел, что в центре этого сборища стоит Ирина Владимировна. Все собравшиеся вели ожесточённый спор, временами переходящий в словесную перепалку.

Мои одноклассники робко жались у стены зала под стойкой с баскетбольным кольцом. Похоже, они, как и я, не очень понимали почему Макеев со своими товарищами до сих пор не убрался на свой урок и что за истину сейчас выясняет Ирина Владимировна с восьмым «А». Мало-помалу, подогреваемые любопытством, мы тоже собрались вокруг горячей дискуссии.

А спор разгорелся действительно не на шутку жарким.

– Ирина Владимировна, а почему вы так говорите, что мы все не умеем бороться? Мы все самбо занимаемся! – надрывным голосом кричал один из «самбистов». Зовут Борис, фамилии не знаю. Кличка Винегрет.

– Да, Ирина Владимировна, зачем вы так говорите? Вы про нас ничего не знаете! – вопил его товарищ справа. Его я даже имени не помню, зовут Шкварка.

– Я не говорила, что вы не умеете бороться! – возражала Ирина Владимировна. – Я сказала, что для таких занятий нужна специальная подготовка!

– Ирина, какая подготовка? – бас Макеева моментально перекрыл все остальные голоса. – У нас каждый день на тренировках такая подготовка! Ты нас на уроках, как маленьких заставляешь мячики катать, через палочку прыгать! Это что, физподготовка? Это вон, пусть мелкотня со скакалками возится!

Макеев с ожесточением кивнул в нашу сторону. О да! Он настолько уверовал в свою наглость и в свою неотразимость, что позволял себе называть Ирину Владимировну по имени и на «ты». Впрочем, последняя только млела от такого обращения. Не знаю уж откуда, но в школе давно уже распространился слухок, что Ирина Владимировна ещё и не замужем.

Постепенно, мы начали вникать в суть происходящего. Какая-то доля правды в словах Макеева была. Я частенько видел занятия Ирины Владимировны на улице. Её уроки действительно были скучными и однообразными. Лёгкая разминка, пробежка, незамысловатые упражнения со снарядами. Конечно же, такой стиль занятий раздражал Макеева и его приятелей, которым хотелось бешенства, состязаний, безумных игр, где можно было бы выплеснуть всю свою необузданную энергию. А сегодня, на предыдущем уроке, произошло одно событие, очень серьёзно повлиявшее на всю школьную программу физического воспитания в целом. Уж не знаю каким образом, но в руки Макеева попала методичка школьных занятий по физкультуре, утверждённая, между прочим, Минобразованием РСФСР, где предполагалось среди учеников старших классов проводить уроки по основам самообороны, основам классической борьбы, и даже проводить учебные схватки. Понятное дело, такое Макеев упустить не мог. Методичка была немедленно подставлена под нос Ирины Владимировны с требованием объяснений, почему столь ценный учебный материал игнорируется уже некоторое занятие.

Ирка Солдатова, хоть и не отличалась особой далёкостью ума, но всё же сообразила, что позволить такие занятия среди отмороженных недоумков страшновато. Она, конечно, готова была исполнить любую прихоть «настоящих мужчин», вот только здесь был слишком велик риск получения травм. Они ведь меры не знают, покалечат друг друга, а за это уже придётся отвечать ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.